

Внешнеполитическая программа Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака

Аннотация: В статье рассматривается внешнеполитическая программа Верховного правителя России адмирала А. В. Колчака, нашедшая отражение в ряде документов, подготовленных к Парижской мирной конференции 1919–1920 гг. В центре внимания автора – стержневая идея внешнеполитической платформы «белого движения» о сохранении «единой и неделимой» России, что предполагало восстановление территории Российской империи практически в ее прежних границах. При этом обращается внимание на то, что декларируемая Верховным правителем идея не могла быть принята державами Антанты. Интерес к «белому движению» ограничивался для союзников его борьбой с большевистским правлением. Одним из основных источников исследования стала подготовленная омским правительством А.В. Колчака программа действий российской стороны на Парижской мирной конференции. На основе этого документа и других архивных материалов анализируются политические взгляды Верховного правителя России, дается представление о характере будущего «образа правления» Российского государства. Показано, что основной идеей внешнеполитической программы А. В. Колчака являлась упомянутая идея об обеспечении стратегической безопасности и целостности России, которая явно превалировала над поддержанием внутренней стабильности в многонациональном государстве. На примере украинского, польского и финского вопросов авторы программы затрагивали проблему права наций на самоопределение и принцип определения границ России с новообразованиями.

Annotation: The article analyzes the foreign policy of the Supreme Ruler of Russia admiral A. V. Kolchak, attested in a series of documents prepared for the Paris Peace Conference of 1919–1920. The author focuses on the directive line of the “White Movement’s” foreign policy platform, which aimed to preserve a “united and undivided” Russia and thus assumed the restoration of the territories of the Russian Empire to their previous frontiers. At the same time, it is noted that the Supreme Ruler’s declared idea could not be accepted by the governments of the Entente, as their interest in the “White Movement” was limited to its fight against the Bolshevik rule. One of the main sources for this study is the program of action of the Russian delegation at the Paris Peace Conference, written by the Omsk administration of A. V. Kolchak. On the basis of this document and on other archival material the author analyzes the political outlook of the Supreme Ruler of Russia, which gives an idea on the character of the envisioned future “method of ruling” the Russian state. The leading idea of A. V. Kolchak’s foreign policy was the idea of ensuring the strategic security and integrity of Russia, which clearly prevailed over safeguarding the internal stability of the multi-national state. On the example of the Ukrainian, Polish and Finnish questions, the authors of the program touched upon the problem of a nation’s right to self-determination and on the principle of border-establishment between Russia and new-founded countries.

Ключевые слова: союзники, Парижская мирная конференция, внешняя политика, А. В. Колчак, «белое движение», Россия, история, Антанта, Германия, единая и неделимая.

Kew Words: history, Russia, the “White Movement”, A. V. Kolchak, foreign policy, Paris Peace Conference, allies, Entente, Germany, “united and undivided”.

Историю «белого движения», развернувшегося на всей территории Российской империи, нельзя назвать неизученной. На сегодняшний день число только монографических исследований насчитывает сотни наименований. Большой вклад в разработку темы внесли известные отечественные историки. Среди них: А. И. Ушаков,

В. П. Федюк¹, А. В. Венков², С. В. Карпенко³,

¹ См., напр.: Федюк В. П. Деникинская диктатура и ее крах. Ярославль, 1990; Его же. Белые. Антибольшевистское движение на Юге России. 1917–1918 гг. М., 1996; Ушаков А. И. История гражданской войны в литературе Русского зарубежья: опыт изучения. М., 1993; Ушаков А. И., Федюк В. П. Белый Юг. Ноябрь 1919 – ноябрь 1920 г. М., 1997.

² Венков А.В. Антибольшевистское движение на Юге России на начальном этапе гражданской войны. Ростов-на-Дону, 1995.

³ Карпенко С.В. Очерки истории Белого движения на Юге России (1917–1920 гг.). М., 2003; Его же: Белые генералы и красная смута. М., 2009.

С. В. Волков⁴, В. Д. Зимина⁵, Р. Г. Гагкуев⁶ и многие другие. Энциклопедичностью отличаются книги видного специалиста по данной проблеме В. Ж. Цветкова⁷. Существенным дополнением являются мемуары лидеров «белого движения» и их сподвижников, вышедшие в полном или сокращенном виде в разное время⁸. При всем этом изучение различных аспектов «белого движения» нельзя назвать исчерпывающим. Значительный пласт архивных документов еще не введен в научный оборот. На некоторых из них и будет сосредоточено внимание автора в данной статье.

На востоке страны «белое движение» имело свои особенности. Ведущей фигурой в его развитии был наиболее влиятельный лидер антибольшевистского сопротивления адмирал Александр Васильевич Колчак. Одаренный от природы, он получил хорошее военное и светское образование. В историю он вошел как исследователь Северного Ледовитого океана и знаток военноморского дела. Накануне революционных событий в России за спиной Колчака было участие в двух войнах – японской и Первой мировой, а также блестящая военная карьера, увенчанная званием вице-адмирала Черноморского флота.

Падение царского режима явилось для Колчака потрясением, но побудило к действиям. С Временным правительством, пришедшим к власти в результате Февральской революции, его примирило решение новой власти вести войну с Германией до ее поражения. По мнению адмирала, именно это являлось «самым главным и важным делом, стоящим выше всего – и обра-

за правления и политического соображения».⁹ Но смириться с революционной анархией, поразившей армию, и в частности Черноморский флот, он не смог.

Приказы Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, распространявшиеся на армию и флот и основанные на новой дисциплине и классовом сознании, адмирал расценил как распад и уничтожение русских вооруженных сил. Выступая перед матросами, он пытался объяснить им, что русский народ, находившийся под государственной опекой, не подготовлен к самоуправлению и единственный выход в создавшейся ситуации состоит в соблюдении дисциплины и подчинении законам военного времени. Чтобы уберечь флот от революционной стихии, Колчак не раз выводил эскадру в открытое море на учения. Однако череда матросских митингов продолжалась, и пропасть между командным составом и рядовыми моряками углублялась.

В поисках понимания со стороны власти в апреле 1917 г. Колчак посетил Петроград, где на заседании Совета министров сделал доклад о состоянии Черноморского флота, а также встречался с Г.В. Плехановым и А.Ф. Керенским в надежде, что они поддержат его линию на установление дисциплины на кораблях. Но все оказалось напрасным. Конфликты с новой властью и органами матросского самоуправления доводили адмирала до отчаяния. Его тревожила мысль, что при сложившихся условиях флот может отказаться выполнять его приказание. По этому поводу позднее Колчак писал: «Это хуже, чем проигранное сражение, это хуже даже проигранной кампании, ибо там все-таки остается радость сопротивления и борьбы»¹⁰. Не выдержав периодически возникавших бунтов матросов и таких их действий, как изъятие оружия у офицеров, он сложил с себя полномочия командующего Черноморским флотом.

Находясь не у дел, Колчак вновь оказался в Петербурге. Здесь им как специалистом по минному делу заинтересовалась американская военная миссия. Осознавая, что накопленный «военный опыт, знания и, в случае надобности, голову и жизнь в придачу» он доверяет чужой стране, адмирал с горечью писал жене: «Мне нет места

⁴ Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 1999.

⁵ Зимина В.Д. Белое дело взбунтовавшейся России. Политические режимы Гражданской войны 1917–1920 гг. М., 2006.

⁶ Гагкуев Р.Г. Белое движение на Юге России. Военное строительство. Источники комплектования. Социальный состав. 1917–1920 гг. М., 2012.

⁷ Цветков В.Ж. Белые армии Юга России. 1917–1920 гг. М., 2000; Его же. Белое дело в России. 1917–1918. Формирование и эволюция политических структур Белого движения в России. М., 2008; Его же. Белое дело в России. 1919. Формирование и эволюция политических структур Белого движения в России. М., 2009; Его же. Белое дело в России. 1919–1922. Т.1. Формирование и эволюция политических структур Белого движения в России. М., 2013; Его же. Путь русского офицера. Генерал Алексеев. М., 2014 и др.

⁸ См., напр.: Деникин А. И. Белое движение и борьба Добровольческой армии. Вооруженные силы Юга России // Белое дело. Избранные произведения в 16 книгах. М., 1992; Его же. Вооруженные силы Юга России // Белое дело. Избранные произведения в 16 книгах. М., 1996; Врангель П. Н. Записки. Ч. 1. Кавказская армия // Белое дело. Избранные произведения в 16 книгах. М., 1995; Его же. Записки. Ч. 2. Последний главком. М., 1995.

⁹ Допрос Колчака. Протоколы заседаний Чрезвычайной следственной комиссии по делу Колчака. (Стенографический отчет.) Л., 1925. С. 44.

¹⁰ Цит. по: Зырянов П. Н. Адмирал Колчак, верховный правитель России. М., 2006. С. 320.

здесь – во время Великой войны, и я хочу служить родине своей так, как могу, т.е. принимая участие в войне, а не в пошлой болтовне, которой все заняты»¹¹.

27 июня 1917 г. в составе военно-морской миссии, состоявшей из 6 российских офицеров, Колчак выехал из Петербурга и направился в США. По пути в Новый свет миссия побывала в Великобритании. Так началось почти годовое пребывание Колчака за границей и знакомство с западной демократией. Позднее он побывал в Японии и Малайе.

Об Октябрьской революции Колчак узнал в ноябре 1917 г., находясь в Японии. Установление власти большевиков и их намерение вывести страну из войны были для адмирала неприемлемыми, и он решил не возвращаться на родину. В начале декабря 1917 г. Колчак обратился к английскому послу с посланием, в котором говорилось: «Я желаю служить Его Величеству королю Великобритании, т.к. его задача победы над Германией – единственный путь к благу не только его страны, но и моей родины»¹².

Новое судьбоносное решение было принято после того, как Колчак узнал о подписании большевиками 3 марта 1918 г. Брест-Литовского мирного договора с Германией. По этому поводу на допросе в 1920 г. пленный бывший Верховный правитель России сказал следующее: «Это было для меня самым тяжелым ударом... Для меня было ясно, что этот мир обозначает полное наше подчинение Германии, полную нашу зависимость от нее и окончательное уничтожение нашей политической независимости»¹³.

Об этом же в автобиографии Колчак писал: «Ни большевистского правительства, ни Брестского мира я признать не мог, но как офицер Русского флота я считал для себя сохраняющими всю силу наши союзнические обязательства в отношении Германии»¹⁴.

Подобная реакция адмирала не была спонтанной. Еще раньше, пребывая на посту командующего Черноморским флотом, Колчак был уверен, что любое соглашение с Германией для России позорно и губительно. Так, в докладе «Положение нашей вооруженной силы и взаимоотношения с союзниками», произнесенном Колчаком 25 апреля 1917 г. в Севастополе на

представительном матросском собрании, говорилось: «Вступив в войну и заключив известные обязательства с союзниками, мы получили от них огромную помощь, финансовую и материальную, в виде военного снаряжения и снабжения... Но есть нечто еще большее – это жизнь, кровь тех, кто пал за общее для всех союзническое дело, те десятки миллиардов ценностей, которые вложены в экономику войны и которые так или иначе должны быть компенсированы. Вот внутреннее содержание наших договоров и обязательств с союзниками»¹⁵.

С Англией, Францией и США Колчака связывала общая цель – поражение Германии, а после Октябрьской революции – борьба за свержение советской власти. Членов Советского правительства он называл «германо-большевиками» и агентами немецкого императора Вильгельма II.

Между тем, в конце декабря 1917 г. адмирал был принят на британскую службу с назначением первоначально на Месопотамский флот, а затем направлением в Китай для работы в Маньчжурии и Сибири. В Пекине Колчак был выбран членом нового правления КВЖД.

Выполняя задания своего начальства, в апреле 1918 г. адмирал прибыл в Харбин и находился там до 21 сентября того же года. Его задача заключалась в том, чтобы формировать вооруженные отряды вдоль КВЖД для борьбы с Советами и их сторонниками. Колчак считал, что единственным местом, откуда можно начать разрывание вооруженных сил против большевистской власти, является Дальний Восток.

Но вскоре его намерение изменилось. Созрело решение участвовать в антибольшевистской борьбе в рядах Добровольческой армии генерала М. В. Алексева. Пробираясь к «добровольцам», в октябре 1918 г. Колчак вместе с английским генералом А. Ноксом прибывает в Омск. Здесь находилось Временное Всероссийское правительство, созданное эсерами и меньшевиками в результате переворота в конце сентября 1918 г. и неофициально называемое Уфимской Директорией. По его распоряжению в контролируемых областях был взят курс на подавление рабочего движения, роспуск профсоюзов, восстановление действия царского свода законов.

4 ноября по приказу Директории адмирал получил пост военного и морского министра. Однако к этому времени стало очевидным, что

¹¹ Цит. по: Зырянов П. Н. Указ. соч. С. 342.

¹² Цит. по: Дроков С.В. Александр Васильевич Колчак // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 59.

¹³ Допрос Колчака. С. 99–100.

¹⁴ Цит. по: Дроков С.В. Указ. соч. С. 59.

¹⁵ Цит. по: Зырянов П. Н. Указ. соч. С. 326.

сам характер правления Всероссийского правительства вызывает недовольство местного населения. В ночь на 18 ноября Колчак, заручившись поддержкой представителей союзников, а также офицеров и казачьих отрядов, совершил переворот. На экстренном совещании Совета министров вице-адмирала произвели в адмиралы. Тогда же было принято постановление о временной передаче ему верховной власти с присвоением звания Верховный правитель России.

Правительство адмирала Колчака, называемое официально «Российское правительство», составляли: Верховный правитель, который обладал всей полнотой исполнительной власти, утверждал законы и был верховным главнокомандующим; Совет министров, Совет Верховного правителя, Правительствующий сенат, а также Государственное экономическое совещание и Подготовительное совещание.

Обращаясь к населению, Колчак заявил: «18 ноября 1918 г. Всероссийское Временное Правительство распалось. Совет министров принял всю полноту власти и передал ее мне, адмиралу Русского флота Александру Колчаку. Приняв крест этой власти в исключительно трудных условиях гражданской войны и полного расстройстве государственной жизни, — объявляю: я не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности. Главной своей целью ставлю создание боеспособной армии, победу над большевизмом и установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает, и осуществить великие идеи свободы, ныне провозглашенные по всему миру»¹⁶.

Таким образом, первостепенная цель заключалась в свержении власти большевиков. Что же касается конкретного определения «образа правления», то это, по мнению адмирала, являлось отложенной и не столь значимой для текущего момента задачей.

Общее представление о характере «образа правления» можно получить путем анализа политических взглядов Колчака, которые, впрочем, нельзя назвать сложившимися. Так, например, если в молодые годы, имея друзей среди прогрессивно мыслящих офицеров и научной интеллигенции, Колчак осознавал необходимость государственного переустройства России, то, испытав шок от Февральской и Октябрьской

революций, он резко качнулся в сторону контрреволюционного лагеря.

Был ли Колчак монархистом? Ответ на этот вопрос, как свидетельствуют источники, не может быть однозначным. Так, например, в 1920 г. в Иркутске в ходе допроса уже пленный Верховный правитель заявил: «Я был монархистом и несколько не уклоняюсь». Затем он разъяснил членам следственной комиссии, что как военный занимался своим делом, а не политикой, а монархию воспринимал как существующую данность.¹⁷ Подобная позиция была характерна для офицерского корпуса, который сохранял верность воинской присяге и союзным обязательствам. К тому же многие из офицеров по своему социальному происхождению являлись помещиками и опасались каких-либо радикальных перемен в сфере земельной политики.

После Февральской революции Россия была провозглашена республикой, и генералитет должен был остановить свой политический выбор на той или иной партии. Колчак колебался. Судя по его заявлению, он пытался подняться над партийной борьбой.

Тем не менее, во время пребывания в Петрограде весной 1917 г. вице-адмирал встречался с основоположником русского марксизма Г. В. Плехановым, который вернулся в Петроград после многолетней эмиграции. Пересказ их беседы существует в двух вариантах: переданный сподвижником Плеханова Н. И. Иорданским и самим Колчаком. «Я моряк, — говорил, якобы, адмирал в пересказе Иорданского, — и партийными программами не интересуюсь. Знаю, что у нас во флоте, среди матросов есть две партии: социалистов-революционеров и социал-демократов. Видел их прокламации. В чем разница — не разбираюсь, но предпочитаю социалистов-революционеров (т.е., эсеров. — А. О.), так как они патриоты...»¹⁸. Причем очевидно, что Колчак не знал того, что социал-демократы разделяются на большевиков и меньшевиков, и последние в отличие от своих оппонентов по партии не считали интернационализм задачей текущего дня. Неслучайно во время омского переворота в ноябре 1918 г. он опирался не только на эсеров, но и на меньшевиков. В пересказе беседы с Плехановым самого Колчака упоминание о его политических предпочтениях отсутствует.

¹⁶ Воробьев А. Адмирал А. В. Колчак. К столетию со дня рождения // Русская мысль (Париж). 7. 11. 1974.

¹⁷ Зырянов П. Н. Указ. соч. С. 304.

¹⁸ Там же. С. 317.

Позднее, находясь в США, накануне Октябрьской революции, адмирал дал согласие на выдвижение своей кандидатуры в Учредительное собрание от партии народной свободы (кадетов), выражавшей интересы интеллигенции и буржуазии, и группы беспартийных по Черноморскому флотскому округу. Однако его телеграмма опоздала¹⁹.

Возвращаясь к первому публичному заявлению Верховного правителя, отметим, что смысл свобод, провозглашенных в данной декларации, остался неясным. В политическом устройстве западных стран Колчак не разобрался и воспринимал его с некоторой опаской. Так, например, пребывая в Англии, в одном из писем на родину он писал: «Последнее время здесь появилось угрожающее движение Labour Party с тенденцией создания Советов С (солдатских. – А.О.) и Р (рабочих. – А.О.) депутатов»²⁰. По-видимому, под советами подразумевались местные отделения лейбористской партии, которые не имели ничего общего с заряженными революционными настроениями российскими советами солдатских и рабочих депутатов.

Такая неопределенность политических воззрений мешала Колчаку выбрать союзников в своей стране и за ее пределами, и в то же время не внушала полного доверия к нему самому, как со стороны участников «белого движения», так и правящих кругов государств Антанты. Даже в кругу сподвижников адмирала некоторые, зная о его тесном сотрудничестве с американцами и англичанами, считали Колчака ставленником Запада. В свою очередь, представителей союзных держав, преследовавших собственные интересы, настораживали твердость адмирала в отстаивании своих позиций, а порой и непредсказуемость его действий.

Случались и конфликты. Так, например, член Омского правительства Г. К. Гинс в своих воспоминаниях рассказывает, как осенью 1919 г. Колчака посетили представители западных держав с предложением взять под международную охрану российский золотой запас, находящийся под контролем Омского правительства, и вывезти его во Владивосток. Колчак ответил отказом и к тому же добавил: «Я вам не верю и скорее оставлю золото большевикам, чем передам союзникам»²¹.

¹⁹ Дроков С.В. Указ. соч. С. 59.

²⁰ ГАРФ. Ф. 544. Оп. 1. Д. 36. Д. 20.

²¹ Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории 1918–1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского правительства.) М., 2008. С. 440.

Естественно, что консерватизм политических взглядов Верховного правителя сказался и на формировании внешнеполитической концепции «белого движения». Ядром этой концепции была идея «единой и неделимой» России, предполагавшая сохранение государства в его прежних границах. Ее разделяли и другие лидеры белого движения: А. И. Деникин, Н. Н. Юденич и Е. К. Миллер, действовавшие на юге и севере России.

Выдвижение этой идеи означало преемственность тезиса «Россия единая и неделимая», который существовал в Своде законов Российской империи и являлся одним из основополагающих принципов имперской политики. Временное правительство предполагало включить данное положение в новую конституцию, которую так и не удалось подготовить. В представлении участников «белого движения» идея «единой и неделимой» России являлась одновременно и лозунгом, который противопоставлялся большевистскому лозунгу «Да здравствует мировая революция!».

В обстановке гражданской войны достижение этой цели было невозможно без поддержки со стороны держав Антанты. Особую роль в реализации поставленной задачи должно было сыграть «Русское политическое совещание», обосновавшееся в столице Франции, где на Парижской мирной конференции решались вопросы послевоенного устройства. Этот орган был создан представителями ряда эмигрантских организаций и наиболее авторитетными российскими политиками недавнего прошлого. Председателем его стал бывший глава Временного правительства князь Г. Е. Львов. Совещание провозгласило своей целью «отстаивание единства, целостности и суверенитета России» и претендовало на роль координационного центра «белого движения».

При Совещании была создана «Русская политическая делегация», которая и должна была повлиять на решения предстоящей Парижской мирной конференции в наиболее благоприятном для белой России духе.

В состав Делегации вошли наиболее видные бывшие российские послы в странах Старого и Нового Света, а также некоторые известные деятели царского времени. В их числе были: уже упомянутый князь Г. Е. Львов, бывший царский министр иностранных дел С. Д. Сазонов, посол Временного правительства во Франции В. А. Маклаков.

Решено было начать с объединения всех элементов «белого движения», действующих в России. Для этого надлежало добиться признания единого лидера движения и согласовать с ним программу. Политическое совещание в Париже сочло, что на такую роль больше всего подходит адмирал Колчак. Учитывалось при этом, что адмирал являлся знакомой и значимой фигурой для стран Антанты (посетил США, был на службе британского правительства), имел финансовые средства и разветвленный аппарат исполнительной власти в виде специализированных министерств.

В результате переписки с Сазоновым в декабре 1918 – январе 1919 г. адмирал был уведомлен, что парижское Совещание признает его власть в качестве Верховного правителя России и надеется, что он солидарен с политической и военной программой Добровольческой армии Деникина, действующей на Юге России. В ответном послании Сазонову Колчак уверил членов «Русской политической делегации», что он поддерживает выдвинутые Югом лозунги. Одновременно Сазонов был назначен министром иностранных дел Омского правительства. При этом он сохранил должность управляющего отделом внешних сношений в «Особом совещании» Деникина. Таким образом, в лице Сазонова белое движение востока и юга России объединило свои внешнеполитические усилия для достижения общих целей.

Весной 1919 г. была решена и проблема финансирования деятельности колчаковского представительства в Париже. По предложению Министерства иностранных дел Совет министров 19 апреля 1919 г. постановил: «Отпускать ежемесячно в распоряжение Министра Иностранных дел на расходы Особого Политического совещания – 400 тысяч франков»²².

Уже в период первых контактов с «Политическим совещанием» в окружении Колчака началась подготовка документов для отстаивания интересов России на Парижской мирной конференции. В декабре 1918 г. в Омске постановлением Совета министров Российского (колчаковского. – А.О.) правительства при министерстве иностранных дел было учреждено Особое подготовительное к мирным переговорам совещание под председательством министра этого ведомства.

Материалы для этого органа разрабатывались комиссиями, созданными при имевшихся

министерствах. Совещание должно было свести воедино результаты работы комиссий и представить их на рассмотрение Совета министров²³.

Работа комиссий и Особого Совещания проходила в обстановке секретности в течение двух месяцев и была завершена 4 февраля 1919 г. Документ представлял собой детальную программу действий российской стороны на международном форуме по наиболее важным для страны направлениям.

Реализовать на практике, выработанные омским Совещанием рекомендации предстояло «Русской политической делегации» в Париже. Предполагалось, что этот орган будет стремиться к обеспечению российского представительства на мирной конференции и обсуждению следующих вопросов: «1) Об общих принципах нашего представительства на мирной конференции и основах его работы. 2) О самоопределении народов. 3) О свободной торговле. 4) О проливах и Константинополе. 5) По славянскому вопросу»²⁴.

Тезисы Омского совещания определяли следующие цели:

- 1) Сохранить договорные начала, объединившие союзников в канун войны и «составляющие основу героического участия России в общей борьбе».
- 2) Подтвердить и выявить историческую важность для России вопросов, связанных с Польшей, Черноморскими проливами и Чехословакией.
- 3) Уважая демократические принципы, провозглашенные президентом Вильсоном, «предохранить ослабленную Россию от умаления ее государственного достоинства и оградить ее самостоятельное экономическое развитие»²⁵.

Поставленные задачи свидетельствовали о том, что правительство Колчака было намерено сохранить союзнические отношения с державами Антанты и США, но при этом не допустить обсуждения без учета интересов России проблем, касающихся Польши, Черноморских проливов и судьбы Чехословакии.

Предполагалось и конструктивное отношение Омска к выдвинутым 8 января 1918 г. «Четырнадцатью пунктам» американского президента В. Вильсона, на том основании, что Рос-

²³ ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 359. Л. 5–6, 6 об.

²⁴ Там же. Л. 10.

²⁵ Там же. Л. 10, 10 об.

²² ГАРФ. Ф. 176. Оп. 6. Д. 228 Л. 2.

сию устраивал шестой пункт программы, предусматривавший освобождение Германией всех оккупированных ею российских территорий, а также предоставление России возможности самостоятельно определять свою национальную политику. Что же касалось тринадцатого пункта, в котором говорилось о создании независимого Польского государства, то в отношении его у России была особая позиция²⁶.

Первый основной принцип, который должен был определять позицию российской делегации на Парижской мирной конференции по вопросу о положении России среди других государств, предусматривал возрождение великой и единой страны. Направленность двух следующих основных принципов свидетельствовала о готовности России идти вместе «с передовыми демократиями мира», что предполагало отказ от возрождения монархического устройства государства.

Наряду с основными, на утверждение Совета министров колчаковского правительства были предложены общие и общие политические принципы работы российской делегации на мирной конференции.

Общие принципы включали пять пунктов. Первый из них предусматривал, что представительство России на мирной конференции будет единым. Естественным для колчаковского руководства было требование, изложенное во втором пункте, о том, что Советская власть не должна быть участником международного форума. В третьем параграфе подчеркивалось, что «Русская делегация участвует в работах конференции на равных основаниях с делегациями Великих Держав».²⁷ В следующем четвертом пункте заявлялись претензии сибирской власти на руководство русской делегацией на Парижской конференции и на лидерство в «белом движении» в целом. В соответствии с пятым принципом «белая» Россия подтверждала свою верность международным обязательствам прежней империи и не брала на себя ответственность «за действия большевиков и все договоры и заявления, ими совершенные»²⁸.

В разделе об общих политических принципах говорилось об уважении руководства «белой» России в отношении новых международных норм, имеющих целью установление

прочного мира и создание Лиги Наций. Одно из важных положений этого документа отвечало идее государственной целостности России и подтверждало: «Необходимое ограничение национального начала при построении программ международных отношений во имя начала государственного и правового»²⁹. Иными словами, был закреплен приоритет общегосударственных интересов над национальными.

Проблеме самоопределения был посвящен отдельный раздел документа. В нем рассматривались общетеоретические подходы к вопросу о праве наций на самоопределение с точки зрения обеспечения целостности России. Омское правительство рассматривало Россию как державу-победительницу в Великой войне, наряду с государствами Антанты. В связи с этим очевидным был и расчет на участие России в разделе наследства повергнутых Германской, Австро-Венгерской и Османской империй, в частности, на присоединение к России территорий, принадлежавших ей в недавнем и далеком прошлом.

К Чехии и Польше, потерявшим в прошлом свою национальную независимость, но сохранившим национальную самобытность, омское правительство соглашалось применить принцип самоопределения в полной мере.

Для народностей, отстававших в культурном отношении и входивших в состав государства, образованного более многочисленной и экономически и культурно более развитой нацией, предусматривалась культурно-национальная автономия. В дополнении к данному положению указывалось на неблагоприятные последствия, которые будут результатом предоставления этим народам независимости. Этот пункт имел в виду народы Литвы, Белоруссии, Кавказа и Прибалтики, которые, по замыслу Особого совещания, должны были остаться в составе России.

Иначе говоря, идеи обеспечения стратегической безопасности и целостности России явно превалировали над поддержанием внутренней стабильности в многонациональном государстве.

Для Украины планировалась культурно-национальная автономия на том основании, что ее народ близок русскому по крови, языку и культуре. Отделение же Украины ослабило бы экономический потенциал России и ее стратегические позиции.

²⁶ Дипломатический словарь. В 3 т. М., 1986. Т. 3. С. 574.

²⁷ ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 359. Л. 11.

²⁸ Там же. Л. 11 об.

²⁹ Там же. Л. 11 об., 12, 12 об.

Статус Финляндии приравнивался к Ирландии, и ей также отказывалось в независимости, т. к., по убеждению составителей документа, полное отделение этих территорий «прямо угрожает экономическим и военным интересам основного государства», т. е. России.

В разделе о свободе торговли подчеркивалось, что в условиях конкуренции земледельческой России с индустриально развитыми странами этот принцип был бы невыгодным для разоренной страны и препятствовал бы ее возрождению.

Большое внимание составителями программы деятельности русской делегации на Парижской конференции было уделено проблеме взаимоотношений России со славянскими странами. При этом предполагалось, что предпосылкой для успешного налаживания таких контактов явилось бы благоприятное для России решение вопроса о Константинополе и Черноморских проливах.

В связи с этим рассматривалось несколько вариантов возможного развития событий. Наиболее желательным для защиты национальных интересов России признавалось выполнение союзниками секретного англо-франко-русского соглашения о проливах, заключенного в Петрограде путем обмена памятными записками между министром иностранных дел России С. Д. Сазоновым и посольствами Великобритании и Франции в феврале–марте (марте–апреле) 1915 г.

Данные соглашения предусматривали включение Константинополя (Стамбула) и проливов Босфора и Дарданелл в состав Российской империи. Россия должна была получить свою долю по окончании войны, но лишь в том случае, если в предполагавшемся разделе Османской империи будут учтены территориальные притязания Англии и Франции.

В соответствии с подготовленным документом, представители колчаковского правительства считали, что имевшиеся соглашения «не подлежат изменению односторонним решением одной из договаривающихся сторон», являются наиболее целесообразным урегулированием ближневосточного вопроса в интересах мирного сожительства народов и, наконец, «завершают процесс достижения естественных границ России»³⁰.

Однако в той ситуации, в которой оказалась Россия, требования передачи ей права на владе-

ние Черноморскими проливами и Мраморным морем выглядели иллюзорными. В связи с этим делегации предписывалось, в случае, если отстоять изложенную позицию будет невозможно, хотя бы попытаться «закрепить на будущее время право притязания России на владение Константинополем и проливами».

В документе прогнозировался также ряд вариантов, связанных с нейтрализацией Босфора и Дарданелл. Полная нейтрализация проливов под гарантией всех великих держав, по мнению авторов проекта, могла нанести ущерб России. В то же время русское правительство устроил бы такой вид нейтрализации, когда при оставлении Царьграда и проливов за Турцией, военный контроль над проливами принадлежал бы России».

Менее желательно, но допустимо было бы оставить проливы и Царьград в руках Турции, запретив ей строить «базы для военного флота и оборонительные сооружения в районе проливов и Мраморного моря». Торговым судам всех наций при этом обеспечивалось бы беспрепятственное плавание через Босфор и Дарданеллы в любое время, а свободный проход проливами военных судов разрешался лишь для тех государств, которые имели владения на берегах Черного моря. Приемлемым считалось также сохранение довоенного статуса Черноморских проливов³¹.

Претензии России на Константинополь, открывающие ей беспрепятственный доступ в Средиземное море, без всякого сомнения, отвечали национальным интересам России. Но, с другой стороны, требования о присоединении части другого государства носили явно экспансионистский характер, что, впрочем, было в духе времени, если обратиться к колониальной политике Англии, Франции и других стран. В данном случае трудно провести границу между оправданными национальными интересами и имперскими претензиями. Так или иначе, в сложившихся обстоятельствах составители документа, скорее всего, и сами понимали утопичность этих положений. Ко всему прочему, ко времени подготовки документа еще в начале ноября 1918 г., тотчас после подписания Мудросского перемирия с Турцией, британский военно-морской флот был введен в Дарданеллы, Мраморное море и Босфор, что лишало всякого смысла постановку этой проблемы на мирной конференции.

³⁰ Там же. Л. 15.

³¹ Там же. Л. 15, 15 об.

Не менее важным для успешного развития отношений со славянскими государствами представлялось решение вопроса о Прикарпатской Руси. Причем в данном случае различных вариантов не предусматривалось: Галицкие, Угорские и Буковинские земли должны были войти в состав России.

Одновременно предполагалось, что западная граница Галицкой Руси будет непосредственно соседствовать со Словакией, а линия границы воссоединяемой с Россией Буковинской Руси будет проведена путем переговоров с Румынией на основе этнографических данных. Защиту прав меньшинств планировалось регулировать на основе обеспечения культурно-национальной самобытности той или иной народности.

Очевидно, что такая постановка проблемы неизбежно порождает целый комплекс противоречий, причем не только с Польшей и Румынией, но и с державами Антанты.

Задача культурного и отчасти политического объединения славянских народов для решения ряда международных вопросов, сближения их границ в эти годы, как, впрочем, в предыдущие и последующие, была актуальна. Но в условиях мировой войны и революций данная цель становилась нереальной.

Ожидалось, что после распада Австро-Венгерской империи изменения будут неизбежны: Чехия и Словакия создадут свое государство, и их примеру последуют сербы, хорваты и словенцы. Знаменательно при этом, что в проведении границ новых государств с Германией и другими неславянскими странами колчаковское правительство готово было оказать им поддержку. Правда, следует учитывать, что здесь, как и в предыдущих случаях, мало что зависело от России, пребывавшей в состоянии гражданской войны.

Нереальными выглядели и территориальные претензии Верховного правителя относительно воссоединения Прикарпатской Руси с Россией и владения Россией Мраморным морем и проливами.

Польша уверенно шла к самостоятельности, и воспрепятствовать этому уже не могли ни Советская власть, ни «белое движение». Учитывая сложившуюся ситуацию, колчаковское правительство подошло к этому вопросу прагматически. Нерешенным и весьма важными для России являлось установление ее границ с Польшей. Программа Колчака обоснованно предполагала, что при рассмотрении данного вопроса необходимо будет принять во внимание стратегические,

экономические соображения и этнографические условия. На основании анализа статистических и исторических данных разработчики документа выдвигали следующие положения:

- «а) Литва и Белоруссия ни в какой части не могут быть присоединены к Польше.
- б) Холмщина должна остаться в пределах России.
- в) Русь Галицкая, Угорская и Буковинская должны быть присоединены к России, причем, западная граница России должна непосредственно соприкасаться со Словакией»³².

В целом это был первый базисный документ колчаковского правительства, программа-максимум, которая предполагала не только сохранение ряда территорий Российской империи, как, например, Литвы, Белоруссии, Холмщины, но и присоединение земель, входивших когда-то в состав Русского государства. Требование было рассчитано на возможность признания России державой-победительницей.

Вполне демократично был поставлен вопрос о правах меньшинств, которые при проведении русско-польской границы должны были остаться на территории смежных государств. В документе об этом говорилось: «Ввиду неизбежности включения местностей со смешанным населением как в Польшу, так и в Россию должны быть выработаны положения о правах меньшинства населения, обеспечивающие культурно-национальную самобытность той или иной народности». Подобный подход был проявлен в отношении меньшинств и при определении изменявшейся российско-румынской границы³³.

Колчаковское руководство, причисляя себя к правительствам держав-победительниц, считало, что территория Польши должна быть расширена за счет Восточной Германии³⁴.

Анализ документа в целом свидетельствует о далеко идущих планах его разработчиков в отношении не только сохранения России в ее прежних границах, но в отдельных случаях и их расширения. При этом колчаковский МИД во всех деталях проработал внешнеполитическую платформу «белой» России для защиты ее интересов на международной мирной конференции. Вместе с тем ясно, что реализация многих положений программы в создавшихся условиях была нереальной.

³² Там же. Л. 13 об., 14.

³³ Там же. Л. 14.

³⁴ Там же.

В дальнейшем при контактах со странами Антанты происходило постепенное отступление от некоторых положений документа. Однако подобные отступления, особенно в отношении окраинных территорий Российской империи, нередко рассматривались как временные. Об этом свидетельствует, в частности, приводимая членом Омского правительства Г. К. Гинсом переписка между Колчаком и Деникиным.

Г. К. Гинс рассказывает, что в сентябре 1919 г. при его содействии был подготовлен проект секретной телеграммы, направляемый Верховным правителем Колчаком генералу Деникину. В ней говорилось, что дальнейшее промедление в отношении стремления «отдельных областей присвоить суверенные права и идея воссоздания Российского государства на началах конфедерации» представляют огромную опасность для продолжения борьбы за свержение большевиков. «Я отношусь поэтому с полной терпимостью, – говорилось в телеграмме, – к объявлению Юденичем самостоятельности Эстонии и готов, если это понадобится, временно считаться с фактической независимостью Украины, равно как и с установившейся восточной границей Польши, если это даст возможность согласовать военные действия наших украинских, польских и прочих антибольшевистских сил». При этом, временное раздробление единого Российского государства признавалось неизбежным злом, и выражалась надежда, что с установлением мира «сильная центральная власть, способная обслуживать насущные нужды истомившегося населения, будет притягивать к себе отпавшие временно части»³⁵. В конце телеграммы подчеркивалось, что намеченные тенденции к отделению некоторых областей от Российского государства отправитель телеграммы готов только терпеть,

³⁵ Гинс Г. К. Указ. соч. С. 429.

Библиография:

1. Волков Е. В. Под знаменем белого генерала. Офицерский корпус вооруженных формирований А. В. Колчака в период гражданской войны. Иркутск, 2005.
2. Воробьев А. Адмирал А. В. Колчак. К столетию со дня рождения // Русская мысль (Париж). 7.11.1974.
3. Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории 1918–1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского правительства.) М., 2008.
4. Допрос Колчака. Протоколы заседаний Чрезвычайной следственной комиссии по делу Колчака. (Стенографический отчет.) Л., 1925. С. 99–100.
5. Дроков С. В. Александр Васильевич Колчак // Вопросы истории. 1991. №1.
6. Зырянов П. Н. Адмирал Колчак, Верховный правитель России. М., 2006.
7. Иоффе Г. З. Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983.
8. Листиков С. В. Великие державы и «русский вопрос» в 1919–1920 гг. Решения Версальской мирной конференции и их последствия // Отечественная история. 2011. № 5.

но не покровительствовать им. Более того, как свидетельствует Гинс, данная телеграмма не была отправлена, а в новом варианте послания Деникину говорилось «только об Украине, а основная мысль о необходимости по тактическим соображениям мириться с сепаратизмом была вытравлена». В ответе генерала Деникина на телеграмму Колчака говорилось, что с Польшей он может сотрудничать, но с правительством Петлюры, находящимся у власти на Украине, – никогда. О ненадежности союза с правительствами новообразований, возникших на окраинах Российской империи, сам адмирал заявлял следующее: «Мы их признаем, а они все-таки не помогут»³⁶.

В целом же отстаивание целостности России, отраженное в комплексной программе, подготовленной Омским правительством, оставалось непоколебимым почти до полного поражения армии Колчака.

Между тем, идея единой и неделимой России не могла быть принята державами Антанты. Интерес к «белому движению» ограничивался для союзников его борьбой с большевистским правлением. Что же касалось возрождения единой могучей России с ее авторитарными традициями и экспансионистскими тенденциями во внешней политике, то подобная перспектива не вызывала симпатии у лидеров США, Англии и Франции. Не внушали доверия и политические взгляды Верховного правителя России. Неслучайно помощь «белому движению» оказывалась дозированной и сочеталась с попытками договориться с большевиками³⁷.

³⁶ Там же. С. 430.

³⁷ Подробнее см.: Листиков С. В. Великие державы и «русский вопрос» в 1919–1920 гг. Решения Версальской мирной конференции и их последствия // Отечественная история. 2011. № 5. С. 11–29.

9. Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака. Из истории гражданской войны на Волге, Урале и в Сибири. В 2 кн. М., 2004.
10. Наумова Н.И. Национальный вопрос во внешней политике колчаковского правительства // Вопросы истории общественно-политической жизни Сибири периода Октября и гражданской войны. Томск, 1982. С. 121–132.
11. Цветков В. Ж. Белое дело в России. 1919. Формирование и эволюция политических структур Белого движения в России. М., 2009.
12. Штейн Б. Е. «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919–1920 гг.). М., 1949.

References:

1. Volkov E. V. Pod znamenem belogo generala. Ofiterskii korpus vooruzhennykh formirovani A. V. Kolchaka v period grazhdanskoj voiny. Irkutsk, 2005.
2. Vorob'ev A. Admiral A. V. Kolchak. K stoletiyu so dnya rozhdeniya // Russkaya mysl' (Parizh). 7.11.1974.
3. Gins G. K. Sibir', soyuzniki i Kolchak. Povоротnyi moment russkoi istorii 1918–1920 gg. (Vpechatleniya i mysli chlena Omskogo pravitel'stva.) М., 2008.
4. Doproс Kolchaka. Protokoly zasedanii Chrezvychainoi sledstvennoi komissii po delu Kolchaka. (Stenograficheskie otchet.) L., 1925. S. 99–100.
5. Drovkov S. V. Aleksandr Vasil'evich Kolchak // Voprosy istorii. 1991. №1.
6. Zyryanov P. N. Admiral Kolchak, Verkhovnyi pravitel' Rossii. М., 2006.
7. Ioffe G. Z. Kolchakovskaya avant'yura i ee krakh. М., 1983.
8. Listikov S. V. Velikie derzhavy i «russkii vopros» v 1919–1920 gg. Resheniya Versal'skoi mirnoi konferentsii i ikh posledstviya // Otechestvennaya istoriya. 2011. № 5.
9. Mel'gunov S. P. Tragediya admirala Kolchaka. Iz istorii grazhdanskoj voiny na Volge, Urale i v Sibiri. V 2 kn. М., 2004.
10. Naumova N.I. Natsional'nyi vopros vo vneshnei politike kolchakovskogo pravitel'stva // Voprosy istorii obshchestvenno-politicheskoi zhizni Sibiri perioda Oktyabrya i grazhdanskoj voiny. Tomsk, 1982. S. 121–132.
11. Tsvetkov V. Zh. Beloe delo v Rossii. 1919. Formirovanie i evolyutsiya politicheskikh struktur Belogo dvizheniya v Rossii. М., 2009.
12. Shtein B. E. «Russkii vopros» na Parizhskoi mirnoi konferentsii (1919–1920 gg.). М., 1949.